

Путь к учителям

Тот, кто когда-то жил в Павликенах или живет там по сей день, знает, что базарный день в городе — вторник. Кто и когда выбрал или распорядился, чтобы именно во второй день недели к маленькому городишке, как гнездо синицы лежащему посреди равнины, тянулись телеги, люди, скотина и всяческий товар, остается тайной былых времен. Население всей округи каждый раз неизменно стекается в город, и торжище начинает походить на ярмарку: расставлены шатры для тиров, до самого неба гремят музыкой качели и карусели, стоит шум и толчея, народ тянется к изогнутому магниту пестрых прилавков.

Если базарный день приходится на какой-нибудь праздник, сутолоки и шуму втрое больше, душа раскрывается, а от тела отлетает любое время.

Такое совпадение произошло первого ноября 2005 года, в День народных просветителей. Услышав, что я предлагаю по этому случаю съездить в мой родной город, дети — все трое школьники — дружно закричали:

— Здорово! И что-нибудь купим на базаре, правда?

— Купите, — пообещал я. — Но сначала я покажу вам, куда нас водили наши учителя, когда мне было столько лет, сколько вам сейчас.

— Папа, нет проблем, — отозвался трехголосый хор, и вечером в канун праздника пораньше ныр-

нул в кровати, чтобы еще до зари взорваться нетерпением и трепетным ожиданием волшебства предстоящей поездки, неутомимо и жизнерадостно.

Жена заранее собрала все необходимое, и мы быстро погрузились в семейный «Пежо».

Промерзший купол ночи уже начинал слегка светлеть, над перевалом Витиня небо ледяной корочкой подтаивало с востока, лучи встающего солнца медленно стекали по хребтам Стара-Планины. Занималось осеннее утро, сухое, безоблачное, листья с придорожных деревьев падали отвесно и плавно, им не хотелось приземляться, не поигравав на ветру...

Если едешь из Софии в Павликены по шоссе София — Варна, километров за тридцать до Велико Тырново надо повернуть налево, к Добромирке. Вишовград — это уже дальше, там я решил устроить первый привал. Еще несколько километров, и на одном из множества поворотов мы проехали табличку с надписью: «Историческая местность». Мои дети знали, что здесь по горам ходил отряд Стефана Караджа¹ и Хаджи Димитра, они видели памятник у Канлы-дере, страшного места, где жарким июлем 1868-го в лютой битве с турками полегли молодые болгарские парни, вышедшие на бой за свою несчастную родину. То, чего дети не знали и что я хотел им показать, находилось в самом селе.

¹ Стефан Караджа — (1840 или 1842–68) — участник 1-й Болгарской легии. В 1868 г. возглавлял (с Хаджи Димитром) партизанский отряд (чету). Погиб за освобождение Болгарии.

— Пап, если он Вишовград, то почему оно село?

Вопрос звучит каждый раз, когда машина начинает колыхаться по разбитому асфальту дороги, разделяющей пополам это большое село. Его дома расселись по темени самого красивого холма уютного Прибалканья. Остатки асфальта жадно разевали зубатые пасти, чтобы проглотить нас вместе с машиной. Мы знали, что чуть в стороне древнего селения Вишовград спокойно лежит в величавом забвении древняя римская дорога, однако не стали сворачивать на нее, а заехали во двор школы.

Машина медленно продвигалась по слежавшейся пожелтевшей траве, репейникам и колючкам, среди кустиков, увитых повиликой и висячими змейками плюща. Не слышно было детских голосов, не звучал медный призыв школьного звонка. Из-под колес выпорхнула летучая мышь и нырнула под дырявую вагонку школьного здания.

Старая школа Вишовграда ничем не отличалась от сотен заброшенных построек в обезлюдевших сельцах и городишках по всей нашей затихающей родине. Там, где и сто, и даже двести лет назад наши упорные предки по камешку, по кирпичику возводили храмы своих душ, царит тишина забвения и ширится разруха, тягостнее смерти и неизбежнее природного бедствия. Какой же бог обрек наш болгарский род на такую судьбу — чтобы в XXI веке, в начале третьего тысячелетия, на глазах всего народа школы Болгарии зияли пустыми глазницами окон и дверных проемов, сутулились, горбились и падали ничком, как цепочка воинов царя Самуила...

— Пап, а это тоже церковно-приходское училище, как в Боженцах?

— Нет, ребятки, эта школа более позднего времени, но тоже заброшенная. Я не за этим вас привел, вот посмотрите сюда.

В глубине запущенного двора было расчищено, у самого забора стоял небольшой памятник.

— Пап, что это?

— Здесь покоятся кости убитых четников, — ответил я и стал рассказывать о том, что происходило летом 1868 года.

Турки узнали, что Стефан Караджа и Хаджи Димитр собрали повстанческий отряд, и послали карателей. Первое столкновение под Вишовградом состоялось у Долгого дола, но самый кровопролитный бой завязался у Канлы-дере. Четники дрались как львы; их было всего сто двадцать душ, а турок — целые орды. Когда заглох последний выстрел, пересчитали павших. Здесь полегла половина четы. Убитых турок считали сотнями, их трупы несколько дней вывозили в казармы севлиевского гарнизона. Тела болгар остались там, где их настигла смерть, на лесистом холме теплого Прибалканья. Озверевшие османы, взбешенные тем, что гяуры дерзнули посягнуть на целостность империи, не разрешили хоронить убитых.

— Папа, а орды — это орки? — спрашивают дети с горящими глазами.

— Что-то вроде, — отвечаю я, — но здесь было не как в кино.

— Еще страшнее?

— Еще страшнее.

— А кости, которые похоронены здесь? Откуда они, кто их нашел?

Я продолжаю рассказ — для того и привел сюда детей, чтобы увидели, чтобы запомнили.

— В таких случаях всегда найдется хотя бы один смельчак. Сельский священник поп Белчо и несколько бесстрашных женщин темной ночью перенесли тела убитых повстанцев и похоронили их под алтарем церкви. Алтарь находился на том самом месте, где мы сейчас стоим. А этот памятник два года назад поставил правнук попа Белчо, профессор Софийского университета Борислав Боянов, математик, академик.

— А ты его знаешь? Вы дружите? Какой он? Очень страшный?

Детским вопросам нет конца. Мои дети уверены, что я должен знать всех профессоров. Мы возвращаемся к машине, а удивительное свойство памяти, для которой нет времени прошедшего или будущего, а есть только настоящее, воскрешает мое знакомство с ученым, профессором нашего университета Бориславом Бояновым. Я знал, что он академик, что в нашем павликенском крае его безмерно уважают, а односельчане чтут как святого.

В мой кабинет вошел низенький худощавый смуглый человек. Обожгли его глаза — они горели угольками — удивительно, как не воспламеняется его суховатое лицо. Человек никак не умещался в рамки представлений об академике, он скорее походил на четника, который отстал от отряда и через полторы сотни лет оказался в Софийском университете, а теперь раздумывает, подходит ли ему оружие академической науки.

Он мечтал вернуться в родной Вишовград, построить огромную гимназию с математическим уклоном и обучать самых талантливых детей своей родины.

— Я хочу быть учителем! — запальчиво повторял только что избранный декан математического факультета.

В его глазах горел огонь, и я хорошо понимал, как и почему его предок тайком переносил тела бессмертных четников в божий храм.

В деревне Белая Церковь мы задерживаться не стали. У памятника Бачо Киро¹ лежали груды цветов, через площадь торжественным шагом шли школьники, впереди плыл портрет великого учителя Бачо Киро Петрова, который в апреле 1876-го повел своих учеников из классной комнаты в бессмертную повстанческую аудиторию. Солнечное утро постепенно растекалось в полдень, в центре Белой Церкви школьники пели песни болгарского Возрождения, праздник продолжался.

— Папа, а тайник Левского² здесь? — нетерпеливо спрашивали наши дети; парад ровесников был им неинтересен.

«Это молодое поколение не совсем безнадежно», — подумал я. Когда-то мне и самому было досадно чеканить организованный шаг в строю.

— Это недалеко, — успокоил я их. — В церкви соседнего села Михальцы. Ее специально для нас откроют, спешить некуда.

¹ Бачо Киро — народный учитель и поэт, один из лидеров национально-освободительной борьбы болгар и Апрельского восстания 1876 г. Погиб при осаде Дряновского монастыря.

² Васил Левский — герой болгарской национально-освободительной борьбы с османским игом. Казнен турками.

Приходской священник отец Георгий действительно ждал нас. Он, как всегда, улыбался, а его крупное мощное тело по-видимому приводилось в движение не работой конечностей, а энергией голоса — глубокого, густого, мощного, как иерихонская труба, и в то же время мягкого, напевного и теплого. В отце Георгии живет добрый великан из сказки, которую по вечерам мы с детьми рассказываем друг другу, пока нас не сморит сон.

— Папа, а где написано, что здесь скрывался Левский?

В стене двухметровой толщины, в укромном месте возле входа в старую церковь, открывалось тесное пространство, где днем и ночью скрывался дьякон Левский, когда вершил в этих краях свои дела апостола революции. Но таблички, обозначающей тайник, не было, о его существовании знали немногие, и посетители здесь бывали редко.

— Повесим, чадо, напишем и повесим, — напевно рокотал отец Георгий. — И церковь, чадо, откроем. Тогда к нам пойдут люди, паства вернется. Одна надежда на таких как вы, дай вам Бог здоровья...

После этого оптимистического благословения мы, наконец, отправились на долгожданный павликенский рынок. В отличие от многих жен, моя супруга не любит ходить по магазинам. А я будто родился на рынке, и дети тоже. Они тут же шмыгнули в толпу, неуловимые, как разлитая ртуть.

— Смотрите, не потеряйтесь! — крикнула им вслед жена и на всякий случай поспешила за ними. Я тоже старался не упускать их из виду.

Рынок в моем родном городе всегда один и тот же и всегда новый. Большинство прилавков похожи друг

на друга, и товар одинаковый, но вся прелесть в том, чтобы бродить в цветастой, как домотканая дорожка, многолюдной толпе, толкаться и толкать в невообразимом хаосе продавцов и покупателей, предметы и живых существ. Это желание невозможно объяснить, как нельзя объяснить, почему, как только зажигаются уличные фонари, к ним слетаются жуки, мотыльки, комары, мухи и другая живность. Они толкаются на свету, падают на землю, приходят в себя и снова летят на свет — неумолимо, до бесконечности...

Детям понравились карманные фонарики. Мы уже расплачивались, и вдруг у соседнего лотка закричала женщина:

— Господи, обокрали! Ограбили! Убей их Господь! Среди бела дня...

Женщина причитала и вертелась волчком. Тело у нее было плотное, головка маленькая, ноги короткие — ни дать, ни взять веретено в бесформенной одежде.

Кольцо толпы являло собой ковер сочувствующих, но холодных лиц. Мало кто заметил, что ее сумка за считанные секунды проплыла над головами, будто влекомая неведомой силой, хотя на самом деле ловкие ручонки быстро передавали ее друг другу, после чего их смутные обладатели бегом скрылись с места происшествия.

— Держите их!

— К оврагу побежали...

— Вон они, зовите полицию!

Дети прижались ко мне, и мы пошли дальше, взявшись за руки.

— Папа, их поймают? — спросила дочь.

— Кто его знает, — отозвался младший сын.

— А если и поймают, так что из этого, — завершил дискуссию старший сын.

Потом все трое дружно заявили, что проголодались: от стоящего в конце рынка ларька плыли ароматы моего ожившего детства. Я тоже почувствовал себя маленьким, как мои дети. Мне показалось, будто я хожу по рынку с родителями. Кебабы скворчали, подскакивали на решетке и выпрыгивали из коротких пальцев толстого кебабщика в засаленном поварском колпаке, помятом и сдвинутом на его потное темя. Мы ждали своей очереди, в желудках все громче заводил свою тонкую песню голод.

Перед нами осталось три не то четыре человека, когда я заметил, что высокая женщина возле ларька уже давно не двигается с места. Она стояла к нам спиной. Когда мы поравнялись, я увидел, что ее руки теребят носовой платок, в котором она что-то ищет, будто развязывает узел. На женщине был длинный плащ — чистенький, стиранный, с обтрепанными от долгой носки карманами и рукавами. Опущенное лицо закрывали седые волосы. Я уже расплачивался. Продавец ловко засовывал кебабы в разрез хлебца.

Я тихонько спросил:

— В чем проблема? — и взглядом указал на пожилую женщину.

— У нее-то? — удивился кебабщик. — Девятнадцать стотинок не хватает заплатить за один кебаб. У нее вечно не хватает...

— Я заплачу. И положите еще три или четыре, — промямлил я, внезапно почувствовав себя неловко, потому что женщина нас услышала.

Она медленно подняла голову и повернула ко мне бледное морщинистое лицо:

— Прошу вас... не нужно...
По ее щекам текли слезы.

Я узнал ее. Это была моя первая учительница, к которой я когда-то пришел в первый класс. Горло у меня сжалось, глаза застлал туман. Я не хотел, чтобы дети заметили мое волнение и отвернулся. У женщины, которая тридцать с лишним лет назад учила меня произносить а-бэ-вэ, у педагога, у которого учился весь город, не было девятнадцати столиков, чтобы купить себе поесть!

— Папа, почему она плачет? — спросила четвероклассница Иоанка.

Пятиклассник Кирилл смотрел то на меня, то на женщину, глаза у него тревожно трепыхались, словно выпавшие из гнезда голые птенцы.

Шестиклассник Георгий повернулся к сестре и тихо сказал:

— Как почему? Ей стыдно.